

*Посвящается Эрику,
моим детям*

Но где опасность,
Там и спасенье.

*Фридрих Гёльдерлин. Патмос**

* Перевод М. Гаспарова. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Три года назад

Эдди

Снова те ощущения, их ни с чем не перепутать, и они так же сильны, как тогда, пятнадцать лет назад: трудно дышать, и все его существо разрушается. Рассыпается самая его сердцевина.

Эта чудовищная смесь изумления и ненависти возникает, лишь когда он чувствует, что его предали.

Как сегодня — в офисе на семнадцатом этаже башни «Этуаль», будто парящем в пустоте, он внезапно становится одним целым с этой пустотой, сливается с космическим вакуумом, растворяется в нем, пока его партнер по бизнесу снова и снова повторяет неловкие объяснения.

Как вчера — вернее, пятнадцать лет назад, — в уютном кабинете, где стоял темно-зеленый диван «Честерфилд», большой письменный стол из черного дерева и несколько таких же стульев, обитых золотистым бархатом, куда он приехал с матерью, чтобы присутствовать на оглашении завещания.

Он все понял в тот момент, когда, толкнув дверь, увидел высокого бородатого парня, существенно моложе себя. Эта характерная линия роста волос. Этот выпуклый лоб, эта смуглая кожа, одно плечо слегка выше другого.

Он дрогнул, словно дерево от удара топора — от первого, самого сильного и жестокого, который ему когда-либо наносили: от удара, лишившего его остатков невинности и избавившего от глубокой печали, которую он чувствовал после смерти отца.

Итак, у него есть брат. Наполовину брат, наполовину есть.

Итак, его дорогой и любимый папочка, который так внезапно умер от менингоэнцефалита — хотя был в отличной для своих семидесяти шести лет форме (каждое утро в любую погоду он пробегал пять километров и гордился здоровым сердцем и давлением как у юноши), — так вот, его отец произвел на свет и затем старательно скрывал еще одного ребенка.

Желая развеять последние сомнения, адвокат произнес:

— Позвольте представить вам Эрнеста Вильстрёма, младшего сына покойного господина Бауэра.

Юноша разглядывал Эдди с легким любопытством, пытаясь найти в старшем брате что-то общее с ним самим, но Эдди был копией матери — среднего роста, крепкого телосложения, с темно-русыми волосами и светлой кожей. Охваченный мыслями, проносившимися у него в голове, об этом их различии он подумал прежде всего. Тайный сын, которого не было ни на одной фотографии, о котором не прозвучало ни слова ни в одном разговоре, ни в одной речи — а Вальтер Бауэр упоминал о своей семье при каждом удобном случае, — тот, кого почти

не существовало, кого даже на похороны не позвали, оказался пугающе похожей, возмутительно точной копией отца, в то время как «официальный» сын, на которого с самого рождения отец возлагал надежды, тот, кем все гордились, кого поддерживали, кто на любом торжестве стоял в первом ряду, не унаследовал ни одной его черты.

Следующая мысль оказалась еще ужаснее. Эрнест Вильстрём, в отличие от Эдди, явно не был ни удивлен, ни встревожен. Он обо всем знал. Он не выглядел осунувшимся от горя, как Эдди, который, с тех пор как умер отец, почти не спал. Эрнест не скорбел. Более того, казалось, он испытывает облегчение, как человек, дождавшийся завершения долгих и утомительных, но неизбежных формальностей. Отец умер, что ж, значит, можно заняться чем-то еще. Он не испытывал никакого желания добиваться справедливости, не чувствовал ни утраты, ни боли. Разве что легкое презрение с оттенком безразличия. От него ничего не скрывали. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы понимать такие вещи, мать рассказала ему об обстоятельствах, при которых он появился на свет, — о романе на одну ночь с начальником; о том, как она пыталась этого избежать, но он был очень настойчив, и в конце концов она уступила; о соглашении, которое они заключили, когда она поняла, что беременна. Ей было сорок четыре года, она уже давно жила одна и не надеялась стать матерью, и вот судьба подарила ей невероятный шанс, от которого она не смогла отказаться. Она успокоила Вальтера — ей от него ничего

не нужно; все, чего она хочет, — это ребенок, независимость и чтобы ее оставили в покое. Она пообещала, что не станет ему докучать и сохранит тайну, если он поступит так же. Вальтер взял на себя расходы на образование и лечение ребенка и завещал сыну четко оговоренную часть своего состояния, взамен потребовав лишь одного — права дать ему имя: Эрнест. Мальчик рос, креп, лишнего не спрашивал — на вопросы об отце он отвечал правду: «Он далеко. В другом городе. На другом конце страны». Мать очень постаралась, чтобы их разделяло как можно больше километров.

Все это Эдди узнал позже. А сейчас он переживал встречу с жестокой реальностью: отец растил его во лжи, хотя пожар рано или поздно должен был разгореться. Он тысячу раз мог обо всем рассказать старшему сыну, но предпочел молчать. Эдди так хотел брата или сестру, а отец, глядя ему в глаза, говорил, что у них идеальная семья и любое вмешательство нарушит хрупкую гармонию, которая царит между ними троемя. Но своим имуществом распорядился четко и аккуратно: большую часть состояния еще при жизни передал жене, а сыновьям оставил равные шестизначные суммы.

Ах да, Лоретта.

— Мама... Ты знала?

— Что за вопрос, Эдди... Конечно, нет.

Она смотрела в пол, опустив голову, и невозможно было понять, действительно ли она потрясена или просто играет роль в этом спектакле. Эдди уже никому не верил.

Его родители всегда были одним целым. Тридцать пять лет они любили друг друга, и страсть их не угасала — так он думал до сих пор. Часто ссорились, но всегда мирились. Возможно ли, что Вальтер скрывал ребенка от Лоретты? Что вообще знал Эдди о том, насколько малодушен был его отец в своей личной жизни?

А возможно, мать тоже лжет. Чем больше Эдди думал об этом, тем менее вероятным казалось ему, что рациональный и предусмотрительный Вальтер передал бы почти все свое состояние жене, рискуя, что она узнает об измене, затем потребует развода и все заберет себе. Нет, Эдди видел в этом доказательство заключенного между ними соглашения или, по крайней мере, того, что отец покаялся: «Я предал тебя, у меня есть ребенок, но это никак не отразится на нашей жизни, на твоем благополучии. Вот, дорогая, я так тебя люблю, что отдаю тебе все, что создал».

Эдди промолчал. Он всегда считал, что лучше отпустить виновного, чем наказать того, кто ни в чем не виноват. Если Лоретта действительно ничего не знала — ведь она взяла его с собой, — значит, сейчас потрясена не меньше, чем он. Значит, и ее сердце разбито дважды: смертью человека, которого она любила, и его предательством. Если это так, несправедливые подозрения лишь сделают ей больнее.

Он подписал бумаги, которые перед ним положили, и вышел из комнаты. Никто не пытался его остановить — ни невозмутимый Эрнест, ни Лоретта с натянутой, будто

приклеенной к лицу улыбкой, ни юрист, перебиравший документы.

Сидя в машине, он позвонил Норе. Сказал, что случилось нечто невероятное и очень важное: у него есть брат. Брат, которого отец сначала ему не дал, а потом... украл. Брат, с которым у него теперь ничего не выйдет — слишком поздно. В десять, в двенадцать лет еще могут возникнуть общие воспоминания, крепкие связи, можно ссориться, защищать друг друга, любить и ненавидеть. Но время упущено. Это не брат, который появился из ниоткуда, это чужак, возможно, даже враг — кто знает. Это противопехотная мина, и он на нее наступил. Эрнест не виноват, ни в чем не виноват. Он не просил, чтобы его рожали, не собирался расти без отца и даже не претендовал на часть наследства. Однако самим своим существованием он разрушил жизнь Эдди. И отныне тот больше ни в чем не может быть уверен. Он даже не знает, как правильно дышать.

— Может быть, не все еще потеряно, — негромко проговорила Нора. — Но это тяжело, я понимаю. Помни, я люблю тебя всем сердцем.

После его звонка она выключила компьютер и графический планшет и сказала коллегам, что ей нужно срочно уйти. Она так спешила, что забыла надеть пальто. На шоссе свернула не туда, проехала лишние четыре километра, едва не врезалась в ограждение. Когда она открыла дверь их дома, Эдди бросился к ней и обнял так крепко, что она испугалась, как бы он не сломал ей ребро.

Но она его не остановила. Эдди почувствовал, как ее любовь изливаются на него, заполняет его, подобно живительной влаге, вспомнил, что она — истинный смысл его жизни, его будущее, его утешение. Он ласкал ее, целовал губы и пальцы, покусывал ногти, плакал — с ней он мог позволить себе быть уязвимым. Всего раз, один только раз, ведь он хотел, чтобы она знала: он — ее опора, но сейчас он должен дать выход своей боли, а потом он снова возьмет себя в руки и построит нечто великое и нерушимое. Пусть фундамент его детства рушится — живые корни их с Норой семьи дадут новые побеги.

Следующие несколько дней они не возвращались к тому, что произошло, хотя тень случившегося нависала над каждым их словом. Однажды утром Нора все-таки решилась заговорить. Эрнест еще был в городе, ожидал завершения последних формальностей, и после этого он уедет за сотни километров, исчезнет из их жизни.

— Дети не должны расплачиваться за ошибки родителей. Давай пригласим его. Вдруг ему захочется прийти? Что, если нам потом всю жизнь придется жалеть? Будь что будет.

Они были женаты всего несколько месяцев, но любили друг друга гораздо дольше. И абсолютно доверяли друг другу.

— Нам не о чем говорить. Это будет мучительно.

— Зато для тебя в этой истории не останется белых пятен. На Лоретту тут надеяться не приходится...

Накануне Эдди ездил к матери. Но едва он упомянул об оглашении завещания, как она остановила его:

— Не нужно вонзать нож в старые раны, мой мальчик, больше ничего не хочу об этом слышать, ты меня понял?

— Понял, мама.

Однако Эдди казалось, что нож вонзился не в старые раны, а ему в живот.

И он уступил Норе, но пусть Эрнесту позвонит она сама. Он боялся говорить с ним, приглашать к себе — стоило подумать об этом, как в глазах начинало темнеть, слова путались, отказывались выстраиваться в предложения. Когда Эрнест услышал в телефоне мягкий, теплый и искренний голос Норы, то сразу согласился, понимая, что бояться нечего — в этом приглашении нет ни подвоха, ни угрозы. Ему тоже не хотелось потом ни о чем сожалеть.

Следующим вечером он появился у них на пороге с бутылкой хорошего вина в руках.

Братья оказались настолько разными, насколько это вообще возможно. Эдди — ему тогда было тридцать два года — окончил одну из лучших бизнес-школ в стране и строил карьеру. Он работал стратегическим консультантом в крупной компании. Он высоко ценил труд. Главным в его жизни было навязанное Вальтером стремление к успеху, измеримому и осозаемому, который, в свою очередь, был необходим для достижения главной цели: он хотел создать семью с Норой, окружить ее заботой, сделать все возможное, чтобы горячо любимая жена была счастлива.

Нора была художницей, творческой натурой, и делала такие красивые украшения, что на улице ее нередко останавливали и спрашивали, где она такие нашла. Эдди хотел, чтобы она перестала работать графическим дизайнером и занялась любимым делом. У него был план: купить красивый дом с большим садом, где будут играть их дети, и с мастерской для Норы — просторной и хорошо оборудованной. Ради этого он готов был вкалывать по пятнадцать — восемнадцать часов в день, почти все выходные проводить на работе, соглашаться на невыполнимые требования и сроки, разгребать лавину писем, терпеть сколько понадобится. Нора была его топливом.

Эрнесту недавно исполнилось двадцать три года, и ни о чем подобном он не думал. Он, можно сказать случайно, выучился на автомеханика: они с матерью жили рядом с автомастерской, где ремонтировали кабриолеты шестидесятых годов, английские и американские автомобили пятидесятых и обслуживали спортивные гоночные машины. Он был тем самым мальчишкой со щеками, перемазанными машинным маслом, который с пяти лет крутился под ногами у механиков. Он был готов мести полы, выуживал крошечными пальчиками болты, провалившиеся в радиатор или карбюратор, и в конце рабочего дня выпрашивал разрешение сесть за руль. Он любил запахи смазки, бензина, сварки, звук, с которым режут и гнут металл, гул вентиляторов. Ему нравилось сидеть с рабочими, слушать, как они мечтают

хоть раз прокатиться на машинах, которые реставрируют, но на которых им никогда не доведется ездить.

Он хорошо учился, лучше всего ему давался французский — он любил читать и отлично писал сочинения. Для матери стало неожиданностью его решение бросить школу, однако препятствовать она не стала. Ей хотелось, чтобы он был счастлив, а счастлив он бывал, только с головой нырнув в мотор, с дочерна перепачканными руками. Так и продолжалось, пока он не получил первую настоящую работу в гараже, где чинили в основном фургончики, разбитые спешившими на рынок поставщиками. Хозяин гаража однажды вечером напился, затащил его в покрасочную камеру и попытался избить. Они сцепились на холодном бетонном полу. Хозяин был втрое тяжелее, он расплющил его своим мягким и мерзким телом, не давал дышать. Но ярость в помутившемся сознании Эрнеста победила ужас и отвращение. Ему удалось схватить разводной ключ и нанести удар. Он был снова и снова, пока кровь не залила пол, заляпанный краской и лаком, а хватка хозяина не ослабла.

Эрнест встал, привел себя в порядок и ушел, прихватив из кассы то, что ему причиталось. Он никому не рассказал о том, что произошло, хозяин мастерской тоже молчал. С тех пор Эрнест больше никогда не устраивался на постоянную работу, особенно в гараж. Матери, которая видела, как он изменился, он объяснил, что от запаха бензина у него болит голова, — то же самое он сказал Эдди и Норе, как и любому другому, кто его спрашивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru